V 39/76

V-39
76.

О СОБРАНІИ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИСТИ

и

о самобытной жизни

въ

ЖИВОПИСИ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХЦ-37962
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕУМ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

Печатать позволяется.

Санктпетербургъ, Апрѣля 7 дня, 1845 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

2007111484

Любителямъ отечественныхъ искусствъ

УСЕРДНО ПОСВЯЩАЕТЪ

Издатель Русскаго Вѣстника

СЕРГѢЙ ГЛИНКА.

О собраніи произведеній отечественной кисти и о самобытной жизни въ живописи.

—

Une sage émulation améliore l'homme, ennoblit son esprit; il s'élève comme le palmier, et comme l'aigle du firmament plâne au haut des cieux et fixe de ses regards perçants l'éclat du soleil.

Rivarol.

Умное соревнованіе улучшаетъ человѣка, облагораживаетъ его духъ; онъ возносится какъ пальма, и какъ воздушный орелъ паритъ по высотѣ небесъ, и проницательный взоръ устремляетъ на блескъ солнечный.

Ривароль.

Статья, напечатанная въ I-й книжкѣ Русскаго Вѣстника на 1844 годъ, о драгоцѣнномъ собраніи произведеній отечественной кисти у Ѳедора Ивановича Прянишникова, подала мнѣ мысль о самобытной жизни въ живописи. Но до приступленія къ развитію этой мысли, предложу: *во первыхъ*, о вниманіи ко всему отечественному; *во вторыхъ*, о собраніи вышеупомянутыхъ произведеній отечественной кисти.

Что бы ни говорили, а вниманіе къ пользамъ общества, искусствамъ и наукамъ, придаетъ новую силу и новое одушевленіе. Это животворное вниманіе всего могущественнѣе дѣйствуетъ на все то, что ближе къ намъ, на все родное, на все отечественное.

Одинъ изъ Французскихъ историковъ, въ описаніи блистательныхъ подвиговъ юнаго Генерала Бонапарта въ Италіи 1796 и 1797 годовъ, ссылаясь на слова древняго писателя, сказалъ: «въ жизни народовъ—слава одно мгновеніе. Сохранимъ этотъ мимолетный мигъ.» (*) Положимъ, что это такъ, но если этотъ мигъ переходитъ изъ столѣтія въ столѣтіе и напечатлѣвается въ памяти и въ душѣ, тогда онъ дѣлается второю жизнію народа и вмѣстѣ съ поколѣніями его идетъ на поприще исторіи. Вниманіе ко всему отечественному подкрѣпляетъ въ трудахъ, вооружаетъ терпѣніемъ. Знаменитый Греческій живописецъ Зевксъ говорилъ: «я работаю долго—я тружусь для вѣчности.» И онъ былъ правъ: вниманіе Грековъ не давало времени охладѣть его духу. Спросите у К. П. Брюлова, у Н. И. Уткина и у сподвижниковъ ихъ: придаетъ ли вниманіе крылья дарованіямъ отечественныхъ художниковъ? И они будутъ отвѣчать, что оно движетъ и кисть и рѣзецъ.

Я говорю о тѣхъ природныхъ дарованіяхъ, которыя иногда можно повергнуть въ оцѣпенѣніе, но нельзя ни чѣмъ замѣнить если ихъ нѣтъ въ душѣ. Сатирикъ Буало сперва сказалъ: «тотъ

(*) *Тьеръ.*

только можетъ быть поэтомъ, на чью колыбель небо положило печать поэта.» (*) А потомъ, въ льстивомъ посланіи своемъ къ Людовику XIV увѣрялъ, будто бы Августъ легко можетъ производить Виргиліевъ.» (**) Это и противурѣчіе и ложь. Повторяю еще, что никакое вниманіе, никакія поощренія не замѣнятъ творческаго духа. Вольтеръ въ Генріадѣ своей польстилъ Англійскому народу, и она была увѣнчана въ Лондонѣ подпискою Королевы и всей тамошней знаменитости; но не смотря на прекрасные стихи, осталась только разсказомъ, а не поэмою. Но если нельзя давать природныхъ дарованій, то неоспоримо и то, что пренебрегая какія бы то ни было способности ума, мы приводимъ ихъ въ уныніе. Извѣстно, что Периклъ нѣкогда величался тѣмъ, что былъ ученикомъ Философа Анаксагора; въ послѣдствіи, въ заботахъ объ управленіи Аѳинъ, въ борьбѣ съ народною площадью, вовсе о немъ забылъ; наконецъ, услыша, что Анаксагоръ изнемогаетъ духомъ, онъ поспѣшилъ къ нему съ утѣшеніемъ, Философъ отвѣчалъ: «подливайте масла въ лампаду, чтобы свѣтильня не угасла.»

А вотъ и ближайшій къ намъ примѣръ. Въ самомъ ли дѣлѣ, или только показалось Ломоносову, что его забыли, и пренебрегаютъ имъ, только онъ сильно запечалился въ бездѣйствіи. Узнавъ о томъ, Екатерина сказала Княгинѣ Дашковой: «поѣдемъ къ Ломоносову, онъ что-

(*) См. Art poétique.

(**) Un Auguste aisément peut faire des Virgiles.

то слишкомъ *закручинился.*» При входѣ къ нему Посѣтительницъ, онъ сидѣлъ облокотясь на рабочій свой столъ; но услыша привѣтствіе Екатерины: «здравствуйте, Михайло Васильевичъ, вы совсѣмъ насъ забыли,» Ломоносовъ, какъ будто пробудясь отъ глубокаго сна, вскочилъ и воскликнулъ: «нѣтъ, Матушка, нѣтъ Государыня! я сказалъ Вамъ въ Одѣ моей и повторяю:

«Твой трудъ, для насъ обогащенье,
«Мы чтимъ стѣною подвигъ Твой!
«Твой разумъ наше просвѣщенье,
«И неусыпность, нашъ покой!»

Мнѣ объ этомъ разсказывала Княгиня Дашкова, 1808 года, когда доставляла статьи свои въ Русскій Вѣстникъ.

Чувствительность нераздѣльна съ живостью воображенія и съ пылкостью душевною. Живописецъ Ванлоо, жившій въ половинѣ XVIII столѣтія, изорвалъ въ куски лучшую свою картину, не стерпя презрѣнія наглаго насмѣшника. Въ заключеніе этаго скажу, что если нужно вниманіе ко всему отечественному, за то какъ и владѣльцы отечественныхъ произведеній дорожатъ ими. Вотъ разительный этому примѣръ. 1796 года, среди громкихъ своихъ побѣдъ, Генералъ Бонапартъ, заключа перемиріе съ Герцогомъ Пармскимъ, требовалъ отъ него двадцать картинъ, и въ томъ числѣ изображеніе Св. Іеронима. Герцогъ предложилъ за выкупъ ее *милліонъ*. Солдаты обрадовались; но Бонапартъ сказалъ: «мы не возьмемъ милліона, мы скоро

бы его издержали; а все превосходное безсмертно.» (*)

Въ слѣдъ за этимъ, не входя ни въ какія разсужденія о томъ, могутъ ли частные люди, такою дорогою цѣною, пріобрѣтать произведенія иностранныхъ, особенно Итальянскихъ художниковъ, предложу опись произведеній нашей отечественной кисти, собранныхъ Ѳ. И. Прянишниковымъ; и предложу объ этомъ, безъ всякихъ замѣчаній, съ поименованіемъ только художниковъ и трудовъ ихъ.

I. *Портретъ одного изъ пастырей церкви*, работы Левицкаго; II. *Портретъ Митрополита Михаила*, работы ученика Левицкаго, Боровиковскаго; III. *Портретъ*, Максимова; IV. *Портретъ*, Варнека; V. *Картина мальчикъ съ собачкою*, его же; VI. *Портретъ Князя А. Н. Голицына*, Брюлова; VII. *Два Пейзажа*, Матвѣева; VIII. *Видъ Дрездена*, Алексѣева; *приморскій видъ*, его же; IX. *Видъ Кремля съ Каменнаго моста*; X. *Видъ терема съ Чудовымъ Монастыремъ*, его же; XI. *Приморскіе виды*, работы Щедрина; XII. *Два вида Невской набережной*, Воробьева; XIII. *Римскій видъ*, Чернецова; XIV. *Морской*, Гайвазовскаго; XV. *Сельскій*, Бассина; XVI. *Пейзажъ*, Лебедева; XVII. *Пейзажъ*, Фрике; XVIII. *Акварель*, Орловскаго; XIX. *Женщина, работающая въ пяльцахъ*, Тропинина; XX. *Женщина за тамбуромъ*, его же; XXI. *Старушка*, Хрущкаго; XXII. *Старикъ*, Липина; XXIII. *Женская фигура*, Штейбена; XXIV.

(*) Un million nous-l'aurions bientôt dépensé, mais un chef d'oeuvre est immortel.

Группа стариковъ и старухъ, Эриксона; XXV. *Академическій чердакъ*, Бассина; XXVI. *Умирающая*, Венеціанова; XXVII. *Итальянскіе игроки*, Штернберга; XXVIII. *Избраніе Михаила на царство*, Угрюмова; XXIX. *Плафонъ*, изображающій *Олимпъ*, Дозна; XXX. *Сошествіе Св. Духа*, Егорова; XXXI. *Положеніе во гробъ*, его же; XXXII. *Саваоѳъ и четыре Евангелиста*, Шебуева; XXXIII. *Василій Великій*, его же; XXXIV. *Бѣгство во Египетъ*, Бассина; XXXV. *Пророкъ Даніилъ во рвѣ львиномъ*, Егорова; XXXVI. *Изображеніе Спасителя и Божіей Матери*, его же; XXXVII. *Тайная Вечеря*, Шебуева; XXXVIII. *Сивилла Тибуртинская*, Кипренскаго; XXXIX. *Мадонна*, Брюни; XL. *Копія съ картины Мурилло Святое Семейство*, Лучининкова; XLI. *Изображеніе Архангела Михаила*, Тыранова; XLII. *Агарь въ пустынѣ*, Петровскаго. Выше было сказано, что Герцогъ Пармскій вызвался за одну картину заплатить милліонъ, но Генералъ Бонапартъ не согласился. Замѣтимъ, что это происходило въ бурю военную, когда нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ могутъ уничтожить цѣлыя картинныя галлереи. Какъ же дорожатъ ими въ мирное время любители искусствъ; они почитаютъ ихъ лучшимъ своимъ сокровищемъ, и въ безсмертіи художниковъ полагаютъ собственную свою славу. Спросимъ снова: многіе ли изъ нашихъ, такъ называемыхъ, любителей, могутъ платить по милліону за картину? Надобно имѣть и зоркій взглядъ и опытъ и искусство самаго живописца, чтобы различить поддѣльное отъ подлиннаго. За то сколько такихъ картинъ, купленныхъ за русское золо-

то въ чужихъ краяхъ, обманываютъ своихъ пріобрѣтателей. Тутъ скажешь съ поэтомъ:

«Чтобъ не попасть въ обманъ и чтобъ не оступаться;
«Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться....

Напротивъ того, собраніе произведеній Русскихъ художниковъ, происходитъ, такъ сказать, въ глазахъ всѣхъ любителей отечественныхъ искусствъ и съ выставокъ поступаетъ къ пріобрѣтателю съ полною отчетливостью, съ живымъ выраженіемъ кисти, и съ незаемною своею славою. Прибавимъ къ этому, что и заплаченное за нихъ идетъ въ общій, внутренній нашъ оборотъ. А при томъ, какое одобреніе и какое воспламеняется соревнованіе на всѣхъ поприщахъ отечественныхъ искусствъ! Жанъ – Жакъ Руссо въ Эмилѣ своемъ (который впрочемъ сатира на тогдашнее воспитаніе), называетъ соревнованіе порывомъ самолюбія. Это не справедливо; соревнованіе — душевный порывъ сблизиться и сравниться съ избраннымъ образцемъ. Перенесемся на одно мгновеніе подъ очаровательный небосклонъ Греціи. Вообразимъ, что мы на играхъ Олимпійскихъ, слушаемъ Геродота, при громкихъ рукоплесканіяхъ читающаго свою исторію. И вотъ, юный Ѳукидидъ въ восторгѣ и слезахъ летитъ въ объятія Геродота и самъ на ряду съ нимъ передаетъ и свою исторію памяти вѣковъ. Вотъ плоды душевнаго соревнованія.

1756 года А. П. Сумароковъ произнесъ рѣчь въ новоучрежденной Императрицею Елисаветою Академіи Художествъ. Сильными доводами опровергалъ онъ мнѣніе тѣхъ, которые думали, будто

бы Петръ I й пренебрегалъ изящныя искусства. Между прочимъ, Сумароковъ упомянулъ, что Государь заплатилъ 40,000 за одну изъ купленныхъ имъ статуй. А всѣмъ извѣстно, какъ онъ вникалъ даже и въ самые мелкіе расчеты при Дворѣ своихъ родныхъ (*). Петръ I-й желалъ, чтобы вмѣстѣ съ новымъ его войскомъ, съ его флотомъ, съ заведенными имъ фабриками и мануфактурами, шли рядомъ и искусства и художества отечественныя; тою же рукою, которою владѣлъ онъ топоромъ учась корабельному искусству, онъ занимался и точеніемъ разныхъ вещей. Онъ желалъ, чтобы Россія жила и собственною работою и трудомъ своимъ.

Приступая къ догадкамъ, или лучше сказать къ мечтѣ «о самобытной жизни въ живописи,» я начну вопросы, есть-ли въ различныхъ языкахъ народовъ свои самобытные, свои родные звуки, не переводимые ни на какое другое нарѣчіе? Это неоспоримо существуетъ. Я сказалъ, и здѣсь повторяю, что переводчикъ Басенъ Крылова, вполнѣ зналъ Русскій языкъ, и не смотря на то, переводъ его не произвелъ никакого впечатлѣнія въ чужихъ краяхъ. И это торжество Крылова. Жизнь его слова осталась на своей родинѣ (**). Тоже можно сказать о живописи. У кисти живописцевъ есть свой родной небосклонъ, свое солнце, своя природа. Кто-то сказалъ «рабочая комната пейзажиста все видимое твореніе (***).

(*) См. Записки Осодора Туманскаго.

(**) См. 1-ю книжку Современника 1845 года.

(***) Toute la nature est l'atelier du paysagiste.

Рабочая его комната, тотъ уголокъ, который онъ переводитъ на бумагу или на полотно; какъ бы далеко не заходила его кисть, а все ей есть предѣлъ. Кажется, Гершель говорилъ, что для изученія звѣздъ одной частицы неба, нужны цѣлыя столѣтія. И какая разнообразность въ этомъ неизмѣримомъ зданіи природы, и какіе въ ней быстрые переходы. Въ путешествіи своемъ по Англіи, Вольтеръ пишетъ: «въ тотъ день, когда пріѣхалъ я въ Лондонъ, погода была ясная; все веселилось, и на гуляньи и въ домахъ; кипѣли разговоры и привѣтствія. На другой день все перемѣнилось. Утро было туманное, повѣялъ противный вѣтеръ, налетѣла пасмурная погода— и все погрузилось въ задумчивость и грустное молчаніе. Тоже можно сказать и о картинахъ великихъ художниковъ Италіи; и онѣ какъ будто погружаются въ какую то туманную тоскливость, разставаясь съ роднымъ небосклономъ; ихъ можно переселить; но кто присоединитъ къ нимъ ту очаровательную природу, которую Неаполитанскіе лазарони, бѣднѣйшіе нищіе въ мірѣ, почитаютъ своимъ сокровищемъ, своею жизнію; и эти бѣдняки, 1799 года, когда оружіе Русскихъ гремѣло на поляхъ древнихъ Римлянъ, съ неустрашимою отвагою сражались подъ знаменами Кардинала Руффо. Что же они отстаивали? То родное солнце, которое такими плѣнительными лучами, испещряетъ волны ихъ залива. А вотъ и ближайшій къ намъ примѣръ. И. Я. Озерецковскій, въ путешествіи своемъ по Астрахани, говоритъ: «когда я съ окрестныхъ холмовъ смотрѣлъ на городъ, я любовался его

красотою. Но когда пошелъ во внутренность его, мнѣ показалось, что вся прелесть его осталась на тѣхъ холмахъ.» И тутъ тоже можно сказать о переселеніи и перемѣщеніи картинъ Италіи, гдѣ найдутъ онѣ свѣтъ роднаго солнца, гдѣ найдутъ онѣ самобытную жизнь свою? Въ путешествіи въ Іерусалимъ и Грецію, Шатобріанъ говоритъ: «причудливые Англійскіе богачи на подхватъ перекупаютъ мраморные остатки древнихъ Греческихъ зданій и храмовъ; и чтоже выигрываютъ они за свое золото, которое было бы гораздо полезнѣе для ихъ бѣдныхъ соотечественниковъ. Они увозятъ съ собою бездушный мраморъ, простые камни; вся прелесть ихъ остается подъ ихъ роднымъ небосклономъ. Но если это мечта, то вотъ истина историческая о самобытной жизни въ живописи, сохранившейся въ развалинахъ *стовратныхъ Ѳивъ*, въ теченіи нѣсколькихъ тысячь лѣтъ.

Вотъ это достопамятное описаніе, изданное въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Оно любопытно и для живописца и для ваятеля и для поэта. Въ немъ видимъ убѣдительное свидѣтельство, что и творецъ Иліады ясными взоромъ наблюдалъ и природу и искусство.

«Полагаютъ, что до *Иродота* и Діодора, Омиръ былъ въ Ѳивахъ стовратныхъ и въ другихъ странахъ Египта, и что видъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ славу *Сезостриса*, одушевилъ изящный его геній. Вездѣ, на стѣнахъ палатъ Ѳивскихъ, Сезострисъ представленъ такимъ великаномъ, какъ и герой Иліады. Онъ летитъ на колесницѣ блестящей, запряженной гордыми коня-

ми; колчанъ золотой отсвѣчивается на раменахъ его; длани его ополчены лукомъ, подобнымъ луку Аполлона, побѣда и передъ нимъ и за нимъ; и какъ *Ахиллъ*, едва гдѣ мелькнетъ, тамъ свѣтъ ужасъ. Въ барельефахъ всѣ эти изображенія оживляются, движутся, мятутся; рѣзецъ ваятеля достигъ совершенства; и хотя перспективы не достаетъ, однако можно судить вполнѣ о безпорядкѣ сражающихся и о кипѣніи битвы. Но особенно въ различныхъ видахъ, которыми смерть поражаетъ воиновъ, воображеніе художниковъ, кажется, истощилось; тутъ какъ будто пѣснь Иліады. Одинъ падаетъ отъ убійственной стрѣлы; другой отъ копья, пронзившаго грудь его. Вотъ юноша, пораженный въ горло; жизнь исторгается вмѣстѣ съ потоками его крови; и взоръ, устремленный къ небу, какъ будто высказывалъ мысль величественную, наконецъ, среди смятенія и схватки, не смотря на множество людей, коней, колесницъ, препирающихся, сталкивающихся, стремящихся, дарованіе художника вездѣ отличаетъ побѣдителей. Чувствуешь, что какой-то богъ одушевляетъ и ведетъ ихъ. Часто также, какъ и въ *Омирѣ*, мысль трогательная примѣшивается къ ужаснымъ изображеніямъ лицъ. Въ одной изъ этихъ картинъ, назначенныхъ сохранять память *о морскомъ сраженіи*, Египтяне опрокинули непріятелей своихъ. Все бѣжитъ передъ ними и побѣдители пользуются своими выгодами. Но на концѣ одной галеры, видимъ Египтянина, вырывающаго изъ волнъ непріятеля, умоляющаго о состраданіи. Какъ лучь небесный, это нѣжное чув-

ство, выраженное на камнѣ за нѣсколько вѣковъ, наполняетъ душу сладостнымъ умиленіемъ. Такъ и пѣвецъ *Гектора*, среди ужасовъ битвы, утѣшаетъ насъ отблесками сострадапія душевнаго.

На *божественномъ щитѣ*, равно какъ и на храмѣ Ѳивскомъ, являются очамъ земля, небо, солнце и всѣ свѣтила, населяющія пространства. За тѣмъ слѣдуютъ битвы, какъ будто списанныя со стѣнъ Сезострисовыхъ палатъ и картины жизни сельской, оставшіяся во внутренности пещеръ *Элетійскихъ* почти въ такомъ порядкѣ, въ какомъ Вулканъ изобразилъ ихъ на грозномъ щитѣ. Тутъ кажется, искусство ваятеля уравнивается съ искусствомъ поэта. Онъ представляетъ сельскія работы съ того мгновенія, когда земледѣлецъ рачительный управляя сохою, дѣлитъ на длинныя борозды землю тучную и плодоносную, до дней изобилія и радости, когда жнецъ срѣзываетъ колосья и собираетъ снопы, чтобы наполнить ими житницы. Тутъ также видишь и уборки винограда и празднества виноградныя, и всѣ подробности рыбной ловли и охоты, замѣчаешь простой видъ орудій садовыхъ; и въ движеніи каждаго явленія, видишь радость, страхъ или надежду, оживляющую сонмъ народный. Вездѣ начальникъ присутствуетъ при работахъ; женщины безъ покрывалъ раздѣляютъ ихъ; дѣти участвуютъ въ нихъ; музыка, пляска, пѣсни сопровождаютъ ихъ. Приносятъ обѣдъ, возжигаютъ жертвы богамъ и складываютъ снопы къ ногамъ хозяина, который, по запмственному выраженію изъ Омира: *вкушаетъ въ безмолвіи радость своего сердца*.

Вотъ картины, рукою искусною начертанныя назадъ тому три тысячи лѣтъ, въ пещерахъ Элетійскихъ. На землѣ классической Греціи подумаешь, что вошелъ въ храмъ, посвященный божествамъ сельскимъ; на почвѣ древняго Египта узнаешь тотчасъ, что зашелъ въ гробницу богатаго земледѣльца.

Такимъ образомъ изученіе старинныхъ памятниковъ Египетскихъ, можетъ пролить новый свѣтъ на изученіе величайшаго изъ поэтовъ. И если сходство содержанія картинъ въ храмахъ и на щитѣ Ахиллеса могло внушить какія нибудь сомнѣнія, мы приведемъ еще картину, очаровательной пляски, установленной въ честь бѣлокурой Аріапы.

Взгляните на юныхъ воиновъ, наряженныхъ въ ткани блестящія, и на юныхъ дѣвъ, увѣнчанныхъ цвѣтами! Смотрите, какъ они подаютъ другъ другу руки и составляютъ тысячу различныхъ круговъ, какъ будто для подражанія лавиринѳу *Критскому*. Въ срединѣ круга два проворные прыгуна образовали *колесо*, изворачиваясь около самихъ себя, и по видимому подавали знакъ къ пляскѣ. Эта картина, заключенная въ окружности Ахиллова щита, находится въ *Гипогеяхъ* Ѳивскихъ. Наконецъ, всѣ огромныя произведенія Египтянъ, и между прочимъ *зодіакъ Дендерскій*, покоются на волнахъ океана, и иногда окружены имъ такъ какъ Вулканъ окончилъ свой щитъ. «Вокругъ щита,» говоритъ *Омиръ*, «онъ полагаетъ обширный океанъ, заключающій эти чудесныя произведенія.»

Глаза мои меркнутъ, но душа моя не охладѣла ко всему тому, что относится къ благу и пользамъ человѣчества. Соображаю по возможности моей минувшее съ настоящимъ. Необычайныя событія разорвали связь минувшаго съ настоящимъ. Въ этомъ разрывѣ, въ Европѣ проявились двѣ горестныя мысли. *Во первыхъ:* будто бы блестящая завѣса нынѣшняго образованія прикрываетъ только новыя бѣдствія. *Во вторыхъ:* будто бы нѣтъ девяти музъ, а есть одна — скорбь. Я согласенъ, что и у скорби есть свой сильный и краснорѣчивый голосъ; это видимъ въ Данте, но онъ былъ гонимъ; а гоненіе и у простаго человѣка вырываетъ изъ сердца рѣчь необыкновенную. Всѣ же другія поэмы отъ Иліады до Потеряннаго Рая, появились въ спокойные дни своихъ поэтовъ. Омиръ и теперь еще для насъ неразгаданное лице. Правду ли сказалъ о немъ Костровъ, переводчикъ шести пѣсней его Иліады:

«Въ теченьи лѣтъ своихъ, воспитанникъ сей Феба,
«Едва ли не лишенъ насущнаго былъ хлѣба.

Не разбираю этого. Скажу только, что Иліада его, картина героическихъ временъ древней Греціи, а въ Одиссеи, по словамъ Поппе, который хотя и исказилъ Омира высокопарнымъ своимъ слогомъ, но справедливо сказалъ, что въ послѣдней поэмѣ протекаетъ животворная струя для всего человѣчества. Послѣдователь Омира, Виргилій, не заимствуя дарованія своего ни отъ Августа, ни отъ Мецената, сочинялъ свою Энеиду, пользуясь ихъ пріязнію и въ спо-

койствіи духа. Тассъ воспѣвалъ Освобожденный Іерусалимъ, въ тѣ счастливые дни своей жизни, когда все лелѣяло его воображеніе вниманіемъ соотечественниковъ, и когда слава заранѣе увѣнчала его тѣмъ вѣнкомъ, который въ грустные дни его жизни, остался въ Капитоліи, наканунѣ его смерти. И Камоэнсъ сочинялъ свою Лузіаду въ то время, когда съ отважнымъ Васко де-Гама облеталъ Мысъ Бурь, и радостно спѣшилъ подъ небосклонъ Восточной Индіи. Мильтонъ хотя и лишенъ былъ зрѣнія, но въ безмятежномъ семейномъ пріютѣ сочинялъ Потерянный Рай, и говорилъ, что какое-то дивное существо въ очаровательныхъ сновидѣніяхъ внушало ему стихи его. И на другихъ поприщахъ изящныхъ искусствъ, и кисть, и рѣзецъ, торжествовали въ счастливые дни художниковъ. Безжизненное невниманіе сильнѣе зависти повергаетъ воображеніе и мысли въ оцѣпененіе; говоря словами Риваролля, могущество духа можетъ бороться съ завистью, и вопреки всѣмъ препонамъ, возноситься величественною пальмою, и парить орломъ, отважно устремляя взоръ на солнце.»

Поэтъ Виландъ говорилъ Н. М. Карамзину, что онъ и на дикомъ, уединенномъ островѣ, съ такимъ же раченіемъ обработывалъ бы стихи свои, какъ и въ Веймарѣ. Это одно предположеніе, и Виланду можно отвѣчать собственнымъ его стихомъ изъ Оберона:

«Одно мгновеніе перемѣнить все можетъ.»

Но то неоспоримо, что вниманіе къ пользамъ общества и человѣчества, упрочиваетъ благо на-

родное и доставляетъ всему одушевленіе. И пусть это вниманіе нигдѣ и никогда не угасаетъ; пусть и у насъ, и вездѣ, каждый скажетъ съ однимъ изъ нашихъ поэтовъ XVIII вѣка:

«Тамъ измѣны счастью нѣтъ,
«Гдѣ оно въ душѣ живетъ.